

3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/372918>. – Дата доступа : 04.09.2022.
4. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. – Л. : Наука, Ленингр. отд., 1970. – Вып. 6. – 358 с.; 1990. – Вып. 25. – 352 с.; СПб. : Наука, 1996. – Вып. 30. – 341 с.
5. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачёва. – М. : Наука, 1981. – Вып. 8. – 252 с.
6. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. III. – 1802 с.
7. Фёдорова, Л. Л. Хвала и хула в языке и коммуникации – хроника события / Л. Л. Фёдорова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2013. – № 2. – С. 221–231.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorgora.ru>. – Дата доступа : 14.09.2022.

Abstract. The article discusses the features of the functioning of a stable verbal complex *khvala i khula*, built on the basis of antonymy (based on the material of texts presented in the Russian National Corpus). It is assumed that the functioning of this phraseological unit is associated with the peculiarities of semantics and the internal form of its key components.

Keywords: phraseology, compatibility, lexemes, etymology, semantics, internal form.

УДК 811.161.1'373-25:398.91

Н. Б. Мечковская

ПОСЛОВИЦЫ И АНТИПОСЛОВИЦЫ О ЯЗЫКЕ И РЕЧИ: ПАРОДИИ НА МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ПАРЕМИИ И ИХ ВКЛАД В ОБЫДЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЯЗЫКЕ

Аннотация. Антипословицы о языке и речи (современные пародийные варианты и переделки фольклорных метаязыковых пословиц, известных по записям XIX в.) рассматриваются как новые смыслы, дополняющие исторически сложившиеся базовые представления обыденного сознания народа о языке и общении. Для содержания антипословиц релевантны такие идеи и тенденции, как нарастающий пессимизм в оценках речевого общения и перспектив самовыражения в слове; признание необходимости самоцензуры; непреодолимость конфликта слова и дела, одиночества и коммуникации; нек. др. В силу пародийной (вторичной и зависимой от первоисточников) природы антипословиц, их релевантность в общей картине метаязыковых представлений народа невелика, однако антипословицы о языке и речи важны как документы эпохи, говорящие о состоянии умов и отношении к жизни и коммуникации в обществе на рубеже XX–XXI вв.

Ключевые слова: пословицы и антипословицы с метаязыковой семантикой, пародийная и комическая направленность антипословиц, неизвестные классическому фольклору смыслы метаязыковых антипословиц.

1. Феномен антипословиц: термины и словари. Антипословицы – это варианты и переделки фольклорных пословиц, известных по записям XIX в., созданные для комического эффекта. Способы преобразования исходных пословиц различны. Один из самых если не частых, то наиболее комически действенных способов состоит в контаминации частей двух пословиц: на основе паремий *Баба с возу – кобыле легче* и *И волки сыты, и овцы целы* образовалась антипословица: *Баба с возу – и волки сыты*.

Феномен индивидуально-авторского преобразования ходячего оборота или пословицы отмечен еще у Аристофана, однако термин *anti-proverbs* [антипословицы] появился относительно недавно – в 1982 г., в работе Вольфганга Мидера (Mieder), профессора немецкого языка и фольклора в Вермонтском университете. Термин распространился после выхода в свет книги Мидера и Анны Т. Литовкиной «*Old proverbs never die, they just diversify: a collection of anti-proverbs*» [‘Старые пословицы не умирают,

они лишь разнообразятся: сборник антипословиц'] (2006). По аналогии с термином *антипословица* появились термины для вариантов и переделок других феноменов текста: *антицитата, антипритча, антиафоризм*, а также *постпословица, постпоговорка*. В разных странах выпускаются и быстро раскупаются сборники произведений этого «нового фольклора». Широко известны сборники Харри Вальтера и В. М. Мокиенко «Антипословицы русского народа» (2005), см. [1]) и «Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы)» В. М. Мокиенко и Харри Вальтера (2008, см. [2]). В 2021 г. в международном издательстве Palgrave Macmillan вышел в свет пятиязычный словарь «Anti-Proverbs in Five Languages: Structural Features and Verbal Humor Devices»; см. также исследование составителей [3], связанное с подготовкой словаря. Сотрудник Вермонтского университета Андрей Резников издал несколько словарных выпусков новых русских антипословиц: *Old Wine in New Bottles. Modern Russian Anti-Proverbs (Proverbium Supplement Series, Vol. 27. 2009)*; *Russian Anti-proverbs of the 21st Century: A Sociolinguistic Dictionary (Proverbium Supplement Series, Vol. 35. 2012)*. Публикуются исследования о антипословицах, а также сборники антипословиц в разных языках Европы, Азии, Африки (в частности, Нигерии).

Авторство антипословиц (а их придумывают многие тысячи людей) в какой-то мере известно исследователям, издателям, редакциям. Новизна мыслей и юмор, а иногда и сатира делают сборники антипословиц популярными в широких кругах читателей (многие из них и сами упражняются в переиначивании популярных клише). По-видимому, игровое и юмористическое преобразование знакомых истин отвечает каким-то творческим, интеллектуальным и культурно-эстетическим интересам и запросам современного человека. Нигерийский писатель и исследователь антипословиц Адейеми писал, что они добавляют юмора, красок и красоты его произведениям и «стимулируют критическое сознание читателей»: «Новые пословицы побуждают писателей к творчеству и раскрывают скрытые значения пословиц» [цит. (в переводе) по: Anti-proverb // Wikipedia, the free encyclopedia [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://www.google.com/search?> – Дата доступа : 10.09.2022].

2. Антипословицы, восходящие к метаязыковым паремиям и афоризмам. Средоточенные на метаязыковых высказываниях и пародийные (т. е. метаязыковые) по своей природе, антипословицы данной группы как бы вдвойне наполнены метаязыковой рефлексией. Структурная организация их разнообразна. Наиболее яркие или выигрышные случаи основаны на контаминации пословиц, в одном случае – сразу трех: *Слово – не воробей, упадет с возу – не вырубшь и топором*.

Традиционные метаязыковые пословицы-императивы, основанные на противопоставлениях (*Не спеши языком, спеши делом; Говори меньше, слушай больше*) отозвались в ряде таких же лаконичных антиафоризмах, но с более сложной логикой (что и побуждает читателя задуматься): *Меньше говори, больше двигайся; Меньше делай, больше говори; Думай много, говори мало и ничего не пиши!* Антипословицы, как и литературные пародии, появляются для широко известных и ярких паремий, которые у всех на слуху и легко угадываются при восприятии антипословицы (с чем и связан комический эффект и эстетическое удовольствие от ее восприятия). Можно думать, что семантика и лексико-синтаксический облик антипословицы зависят от исходной пословицы – от ее строения и семантико-тематической отнесенности.

В предлагаемой статье рассматриваются антипословицы, пародирующие русские метаязыковые паремии, т. е. пословицы и поговорки о языке и речи. Источниками антипословиц для исследования стали широко известные словари В. М. Мокиенко и Харри Вальтера [1; 2]. Рассмотрено примерно 100 антипословиц. Выборку нельзя назвать полной, поскольку пока не найден критерий идентификации паремий в качестве метаязыковых, потому что в некоторых паремиях метаязыковой семантический компонент (связанный с наличием слов с метаязыковой семантикой) является незначительным, перифе-

рийным (особенно с глаголами *говорить / сказать*, напр., *О чем у нас говорится, всё в дело годится; Не ту страну Гондурасом назвали*). Еще сложнее этот вопрос решается применительно к фраземам-идиомам, сравн. *оседлать своего (любимого) конька*).

Задачи статьи состоят в выявлении содержательных отличий корпуса антипословиц метаязыкового происхождения от семантики традиционных паремий о языке и речи, составляющих значимый сегмент обыденного сознания народа. Для сопоставления пословиц и антипословиц представляется необходимым вначале (в разделе 3) показать черты традиционных метаязыковых пословиц, а затем (в разделах 4 и 5) показать особенности строения и семантики антипословиц, пародирующих метаязыковые паремии.

3. Смысловое богатство традиционных пословиц о языке и речи. Как известно, становление метаязыковой функции в фило- и онтогенезе происходит позже, чем вырабатываются языковые средства для выражения побуждения и экспрессии, а также для фатического общения. В этноязыковой культуре метаязыковые пословицы и антипословицы также появлялись относительно поздно. Впрочем, один класс метаязыковых паремий (прежде всего магические формулы в составе ворожбы и других ритуалов, а также в приметах) заключали в себе причинно-следственное сближение некоторого слова (обычно с неясной внутренней формой) и названия явления, значимого для ритуала или приметы. В основе сближения лежало сходство фонетического облика или внутренней формы двух названий, нередко мнимое сходство, что типично для «народных этимологий». О древнейших мифопоэтических интерпретациях слов писали Н. И. и С. М. Толстые [4], В. И. Коваль в ряде работ, в том числе в монографии 2021 г. [5, глава 2 «Магическая природа слова»]. Напр., на Полесье верили, что «як прошла *Прэчыста* [15 августа или 8 сентября]), то стала ў рэцэ вада *чыста*» [4, с. 252]; в Витебской губернии, по крестьянским поверьям, чтобы посеянная пшеница не выросла с *головней*, нужно сеять ее, когда в деревне никто не затопил печки, а отправляясь сеять, нужно положить в сеялку *головню* [4, с. 258]. Феномен подобной «этимологической магии» (термин Толстых) представляет собой, по-видимому, одно из самых ранних проявлений метаязыковой рефлексии, еще вполне мифопоэтической. Что касается метаязыковых антипаремий и антиафоризмов, то в них, напротив, отчетливо сказалась интертекстуальная природа постмодернистского сознания.

3.1. Для русских пословиц о языке и речи характерно внимание в первую очередь к «внешней лингвистике» и к тому, что сейчас называют философией языка, – к определению места языка в жизни общества, индивидов, сознания. Сравн: *Криком избу не поставишь; Мал язык, да всем телом владеет; От слова не сбудется; Перо сохи легче; Не верь речам, а верь очам; Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке; Язык телу якорь* и т. п.

3.2. Из вопросов «внутренней лингвистики» для пословичного («фольклорного») сознания важнее речь, а не язык. Преимущественное внимание к речи в русской пословичной картине мира сказалось в немалом количестве паремий, которые выражают народную этику и народный этикет общения. Сравн. паремии такой семантики, отмеченные у Даля: *Обмолвка – не обида; От одного слова – да на век ссора; Слушать его можно, а верить нельзя. От приветливых слов язык не отсохнет; Шептунов – на мороз*. Вот еще примеры пословичной мудрости при взгляде на разные ситуации общения: *Без спорного слова не беседа; Вымолвить не хочется, так и язык не ворочается; Говорить, так договаривать, а не договаривать, так и не говорить*.

3.3. Разнообразны и исключительно интересны паремии о различиях между людьми по особенностям речи и по владению разными формами речи: *Вашими бы устами да мед пить; Говорит, как книга; Говорит, точно кружева плетет; Говорит, что родит; Грамота тверда, да язык шепеляв; [у него] Язык наперед ума рыщет; У него во рту вехотка; Эк понесла: ни конному, ни крылатому не догнать; Язык змеиный (злбный, клеветник)*.

3.4. Для русских метаязыковых паремий, записанных в XIX в., характерно то, что в их составе довольно много шуточных и насмешливых народных афоризмов, и в этом состоит их заметное отличие от неметаязыковых паремий того же времени. У классиков литературных афоризмов XVI–XVII вв. (Ларошфуко, Паскаль, Монтень) насмешливых афоризмов нет или крайне мало, хотя стилистически сниженные сентенции встречаются, напр., *Ум всегда в дурах у сердца* (Ларошфуко). До Козьмы Пруткова афористика была серьезной и назидательной. Так и в русском фольклоре: насмешка в паремиях – явление довольно позднее, хотя и встречается: *Невестушка, полно молоть! Отдохни, потолки* [говорит свекровь].

Однако в метаязыковых паремиях, записанных в XIX в., насмешек довольно много: напр., насмешки над теми, кто не чувствует смыслового тождества слов-дублетов или близости синонимов: *Не бей по голове, колоти по башке; Не украл, а только вовсе взял, Нет, не плешь, а лысина; Нет, не сжег, а спалил; что в лоб, что по лбу; не палкой, так кием.*

Для лингвистов особенно интересны фольклорные свидетельства фонетической наблюдательности народа. Когда в соседнем селе говорят, хотя и понятно, но иначе, чем в своем, «сами собой» возникают пародийные «дразнилки», в которых подмечены звуковые особенности речи соседей. Напр., цоканье: *Наши скапцане – такие как англицане, только нареция разные*; сильное аканье: *С Маасквы с наасада с аващнова ряда*; белорусское дзеканье: *Литвин нет-нет, а дзекнет*; взрывная артикуляция заднеязычного [г]: *На дворе гуси гогочут*; вопросительная частица *ці* в белорусской речи: *Ці лілі алей у бульбу?* (подробней см. [6]).

4. Модели и индивидуальные структуры в подкорпусе русских метаязыковых антипословиц. Количество вариантов паремии или афоризма пропорционально употребительности паремии в ее первоначальном виде. Чем более отчетливо адресат, воспринимающий антипословицу, опознает в ней ее исконный вид и значение, тем при прочих равных условиях сильнее комический эффект и эстетическое удовольствие от ее восприятия. В рассматриваемом подкорпусе метаязыковых антипословиц больше всего переделок двух паремий (*Слово не воробей: вылетит – не поймаешь*; *Язык до Киева доведет*) и начального стиха из Евангелия от Иоанна: *Вначале было Слово*. Трансформация каждого из трех клише происходила по нескольким направлениям (или моделям). Наиболее разнообразны модели семантической трансформации паремии *Слово не воробей: вылетит – не поймаешь*. Отчасти это связано с омонимией двух разных дословных значений пословицы: 1) ‘вылетевшее слово практически так же невозможно поймать, как воробья’; 2) ‘вылетевшего воробья поймать можно, но вылетевшее слово поймать не удастся’. В итоге пословица двусмысленна: *слово* то ли сравнивается с воробьем, то ли противопоставлено ему.

Логико-синтаксическая модель, которой следуют 12 антипословиц, обыгрывающих паремию *Слово не воробей...*, устроена так: в первом предложении вместо лексемы *слово* находится обозначение другого значимого предмета или действия, которые, говоря метафорически, могут летать, и если предмет «вылетает», «залетает» или «падает», то это осложняет положение обобщенного (и потому не названного) субъекта во 2-ом предложении. Сравн.: *Глюк не воробей, вылетит – убей; Девушка не воробей, залетит – мало не покажется; Не плюй в колодец: вылетит – не поймаешь; Челюсть не воробей: вылетит – не поймаешь* и еще несколько антипословиц, построенных по данной модели, иногда в контаминации с частями других паремий: *Шило не воробей: в лес не убежит*. По-видимому, прикольность этой паремии связана с ее полной абсурдностью. Легко увидеть, что все такие антипословицы с утратой компонента *слово* теряют свой метаязыковой характер. В еще одной модели (по которой построено 4 антипословицы, обыгрывающие *Слово не воробей...*) *слову*, по сходству с воробьем, приписывается свойство *гадить*: *Слово не воробей, но гадит метко*.

Одна из антипословиц с лексемой *слово* построена по уникальной для всей выборки модели: *Слово не воробей, но воробей – это слово*. Первое предложение остается

без изменений, а во втором используются те же лексемы, но в обратной последовательности (что создает синтаксическую фигуру хиазма), однако при этом лексема *воробей*, не переставая быть обозначением птицы, выступает в своем лингвистическом облике.

В антиафоризмах на тему *Вначале было Слово* обобщенному и величественному Слову (которое было у Бога и было Богом) противопоставляется мелкое многословие или что-то еще более далекое от Слова: *Вначале было Слово. Потом слово за слово, и началось; Вначале были слова; Вначале было Слово, а уже потом – отделение милиции; В начале было слово из трех букв. Суперприз тому, кто назовет его сразу.*

Отмечу еще четыре антипословицы с компонентом *слово*, построенные по общей модели: паремия *Доброе слово и кошке приятно* отозвалась в вариантах, в которых вместо *кошки* фигурируют неожиданные адресаты: *крокодил, собака, диктофон*. В семантике и пословицы, и ее переделок метаязыковой компонент незначителен: это высказывания не о слове, но о доброте.

Антипословицы, обыгрывающие паремию *Язык до Киева доведет*, отличаются от первоисточника чаще всего разными «адресами» (к которым может довести язык); иногда слово *язык* конкретизируется, сравн. у декабриста М. С. Лунина: *Язык до Киева доведет, а перо до Шлиссельбурга*. Иногда «адрес» не географический: *доведем до митинга, до фингала, до киллера* и т. п.).

Несмотря на существование моделей трансформации пословиц в антипословицы, большинство антипословиц и антиафоризмов с метаязыковыми лексемами образованы не по относительно регулярным логико-синтаксическим моделям и не серийно, но более случайным, прихотливым, каждый раз особым образом. Вместе с тем, несмотря на структурную пестроту исследованных антипословиц, в их совокупности просматриваются некоторые сходные содержательные мотивы. Это сходство позволяет видеть, в каких направлениях авторы антипословиц модифицируют содержание метаязыковых паремий. Таких направлений несколько.

5. Пародийное содержание антипословиц о языке и речи: новые смыслы, вносимые в обыденное сознание.

5.1. Всегда ли антипословицы – смешны? Пародия, по определению, принадлежит жанрам смеховой культуры; пародия призвана смешить тех, «кто понимает». Приколы-антипословицы относятся к жанрам **массовой** смеховой культуры, но антипословицы создаются не так, как кинокомедии, у антипословиц тысячи неизвестных друг другу авторов-современников, порознь сочиняющих «коллективный фольклор» времен интернета. У каждого из многочисленных авторов, как и у каждого из бесчисленных читателей, – своя индивидуальность: свое ощущение смешного и свое чувство юмора, свой вкус, свой взгляд на мир, свой кругозор. Люди смеются над разным; но и «одно и то же смешное» не для всех смешно, а кому смешно, – всё же смешно в разной мере.

В сборниках антипословиц и других приколов далеко не всё смешно, остроумно и умно как для составителей – выдающихся филологов В. М. Мокиенко и Харри Вальтера, так и для читателей. Однако для составителей и для значительной части читателей всё, включенное в эти книги, – это документы эпохи, подлинные свидетельства о состоянии умов и отношении к жизни наших современников на рубеже XX–XXI вв. Чем полнее эти книги, тем выше их ценность. Ниже перечислены те новые, по отношению к фольклору XIX в., смыслы, которые в облике антипословиц о языке и речи вошли в обыденное метаязыковое сознание.

5.2. В оценках речевого общения нарастает пессимизм и девальвация слова. Антипословицы, в отличие от пословиц XIX в., оценивают общение, книгу, язык, а также возможность взаимопонимания более критично и пессимистично; в их представлении языка и речи иногда усиливаются снижающие и материально-денежные мотивы: *Глас народа – глас бомжей; Соловья баснями не кормят, ими кормят народ; Русская речь без мата превращается в доклад; Типун вам на ваш великий и могучий русский*

язык!; Читайте книги, некоторые из них специально для этого написаны; Меньше слов – дешевле телеграмма; Что доверено бумаге, то забывается (в пику давней поговорке Что написано пером, того не вырубишь топором); Молчание клиента – золото адвоката; Если я сказал «Не брал!», это значит «Не отдам»; «Нечего надеть!» – в речи мужчины значит: «Нет ничего чистого», в речи женщины – «Нет ничего нового».

5.3. Усиливается самоцензура, сужаются возможности самовыражения в слове. Традиционные поговорки, уверенные в силе слова (*Язык и хлебом кормит, и дело портит*), учили осторожности в словесном выражении мысли (*Язык языку ответ дает, а голова смекает*). Антипоговорки уверены в необходимости скрывать мысли: *Если ты говоришь то, что думаешь, то думаешь ли ты?*; *Говори, что думаешь, однако старайся убежать прежде, чем тебя поймут*; *Ум дан женщине для того, чтобы скрывать свой характер*). Авторы антипоговорок уверены в невозможности взаимопонимания между людьми и бессилии общения: *О вкусах не спорят. Их навязывают*; *Чем больше выигранных споров, тем больше потерянных друзей*; *Народ безмолвствует всё громче*; *Язык мой – друг твой*; *Общий язык с женщиной можно найти в глубоком поцелуе*; *Автомат не роскошь, а средство общения* и т. п.

5.4. Как снимают оппозицию слова и дела: Чтобы слова не расходились с делом, нужно молчать и ничего не делать. Поговорки XIX в. утверждали приоритет дел и реальности по отношению к словам и намерениям; они говорили о недостаточности слов и учили не унывать, а работать и выполнять обещания (*Криком избу не поставишь*; *Сколько ни говорить, а с разговором сыту не быть*; *Назвался груздем – полезай в кузов*; *Не верь речам, а верь очам*). В отличие от XIX в., антипоговорки пессимистичны, авторы страшатся дел и смиряются со своим бессилием, включая бессилие речи: *Лучше молчать и слыть идиотом, чем заговорить и рассеять сомнения*; *Что скажут о тебе другие, если ты сам о себе ничего сказать не можешь?*; *Думаю, не ошибусь, если ничего не скажу*.

5.5. Плоды просвещения: в метаязыковых поговорках XIX в. не говорилось об одиночестве; в конце XX в. этот мотив стал актуальным. В антипоговорках человек (и Бог) мечется между страхом одиночества и эгоцентризмом; и в том и в другом ему помогает слово: *Хочется иногда сказать «Отвяжись!»*, да некому; *Хорошая вещь – одиночество, если есть кому сказать, что одиночество – хорошая вещь*; *Вначале было Слово, затем Бог создал человека, чтобы иметь с кем перекинуться хоть словом*.

5.6. Ученые исправления. В переделках поговорок о языке и речи появились шуточные как бы «научные» уточнения, исправления или даже «опровержения» прежних истин: вместо *Вначале было слово* утверждается, со ссылкой на учебник по языкознанию, что *Вначале была интонация*; или что *Сначала была буква. Потом слово*; или что *Слово не воробей, а последовательность символов алфавита* и т. п. К «ученым» антипоговоркам близки объяснения судеб слов историческими причинами и наоборот: явления жизни объясняются родством слов: *«О'кей» стало вытеснять слово «хорошо», потому что ничего хорошего не было*; *Доходы большинства россиян явно в родстве со словом «доходяга»*. Авторы некоторых антипоговорок, похоже, знакомы с теорией речевых актов: *По-прежнему лучшим противозачаточным средством является ... слово НЕТ*; *Глупость – это мудрость, сказанная не вовремя*; *Главное – не что сказать, а кому сказать*.

б. Социокультурная релевантность антипоговорок о языке и речи. Если сравнить фольклорные поговорки и антипоговорки, то настоящая поговорка похожа на русский лубок, между тем антипоговорки напоминают быстрые черно-белые карикатуры тех же событий или персон, которые представляет лубок. Для народной поговорки, как и для лубка, характерны лаконизм, четкость и доступность образов, яркие краски. Поговорка, как и лубок, спокойна; это коллективная мудрость; поговорка и лубок уверены в себе и не мельтешат.

Между тем антипоговорки-карикатуры интересны своей злободневностью и отстранением изображаемого объекта; они интересны не только собственной своей мыслью, но и аллюзией к пародируемому прототипу. Для антипоговорок характерна установка на игру и насмешку, а иногда и действительно взрывной комизм.

В силу пародийной природы антипословиц, их релевантность в общей картине метаязыковых представлений народа невелика, однако антипословицы о языке и речи важны как документы эпохи, говорящие о состоянии умов и отношении к жизни и коммуникации в обществе на рубеже XX–XXI вв.

Список использованных источников

1. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2005. – 576 с.
2. Мокиенко, В. М. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы) / В. М. Мокиенко, Х. Вальтер. – М. : ОЛМА, 2008. – 384 с.
3. Litovkina, A. T. Most frequent types of alteration in Anglo-American, German, French, Russian and Hungarian anti-proverbs / A. T. Litovkina et al. // Acta Ethnographica Hungarica 2007, 52.1.– P. 47–103.
4. Толстой, Н. И. Народная этимология и структура славянского ритуального текста / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. – М. : Наука, 1988. – С. 250–264.
5. Коваль, В. И. Язычество в языке и тексте / В. И. Коваль. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины. – 2021. – 285 с.
6. Мечковская, Н. Б. Философия языка и коммуникации / Н. Б. Мечковская. – М. : Флинта; Наука, 2017. – 520 с.

Abstract. Anti-proverbs about language and speech (modern parodic variants and alterations of the folklore metalinguistic proverbs known from records of the 19th century) are considered as new meanings that complement the historically established basic ideas of the everyday consciousness of the people about language and communication. For the content of anti-proverbs, such ideas and trends are relevant as growing pessimism in the assessments of speech communication and the hope for self-expression through words; recognition of the need for self-censorship; insurmountable conflict of word and deed, loneliness and communication; some etc. Due to the parodic (secondary and dependent on primary sources) nature of anti-proverbs, their relevance in the overall picture of the metalinguistic ideas of the people is small, however, anti-proverbs about language and speech are important as documents of the time, speaking about the state of minds and attitudes towards life and communication in society at the turn of the XX–XXI centuries.

Keywords: proverbs and anti-proverbs with metalinguistic semantics, parodic and comic orientation of anti-proverbs, meanings of metalinguistic anti-proverbs unknown to classical folklore.

УДК 811.16-13'373:572

В. М. Мокиенко

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ КОНЦЕПТА «БОЛОТО» КАК ВРАЖДЕБНОЙ СТИХИИ

Ленивый человек в беспечном покое сходен
с недвижною болотною водою, которая кроме смраду
и презренных гадин ничего не производит

М. В. Ломоносов. Краткое руководство к Красноречию (1748).

Аннотация. В статье предлагается семантический анализ русской паремиологии, отражающей аксиологические представления о концепте «Болото». Если в диалектной речи этот концепт структурируется лексемами, обозначающими виды болот по различным признакам (Т. А. Демешкина), то в пословицах и поговорках он становится источником негативной коннотативности. Аксиологические представления здесь также поддаются семантической классификации и структурно-семантической моделируемости. В процессе анализа выявляются 5 аксиологически значимых групп: 1. «Болото» как таинственное, затаенное, тихое и удаленное, неизвестное пространство; 2. «Болото» как топкое, вязкое, гнилое и наводящее страх пространство;